

У

нашего народа — великая поэзия о Великой Отечественной войне. Героизм, трагедия, самоотверженность, боль и горе переплавились в стихотворные строки и стали классикой отечественной литературы. Как большая река вбирает в себя множество других рек, речушек, родников, ручейков, так и великая поэзия складывается из стихов известных и малоизвестных поэтов.

В трех первых номерах журнала «Подъём» за 2007 год были напечатаны стихи Михаила Сопина. Подобной публикации — и чтобы в нескольких выпусках подряд! — я до этого не читал. Готовил подборку тогдашний заведующий отделом поэзии журнала Станислав Никулин. Он был честным редактором, отбирал стихи только по талантливости автора, а не по тому, насколько тот известен, наделен регалиями и отмечен наградами. Поэтому публикация меня и привлекла — а еще то, что Михаил Сопин был моим земляком: родился в 1931 году в селе Ломном Грайворонского района, на Белгородчине.

Стал читать подборку — и сразу обожгло:

Мне шел одиннадцатый год.
И не моя вина,
Что не дошел он — что его
Оборвала война.

Слепой, истошный вопль в овсе —
Шли танки с трех сторон,
Давили, били, рвали всех
Без всяких похорон...

* * *

За сто шагов до поворота,
Где Ворскла делает дугу,
Далекой осенью
Пехота
С землей
Смешалась на бегу
И стала тихой и свободной,
Уйдя в прилужья и поля
Сырой земли
С преградой водной
У деревеньки Тополя...

* * *

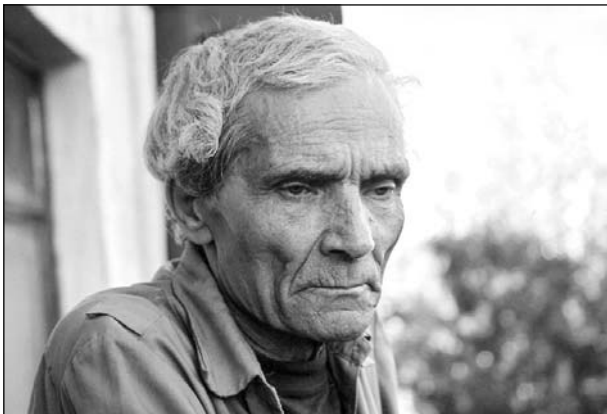
Для кого и зачем
Из сегодня,
Спотыкаясь
О памяти явь,
Я бегу
Под горящую Готню
По разбитым
Осенним полям?
Через смерть,
Через сжавшийся ужас...
Может, где-то
Не все сожжено.
Может, снова кому-то я нужен
С индпакетом,
С краюхой ржаной...

* * *

Низкое небо.
Подводы.
Ночь. Непокой. Неуют.
Дождь сорок первого года
Падает в память мою.
Медленно.
Косо.
Отвесно.
Кажется —
Вечность шуршит
Каплями будущих песен
В детское поле души.

* * *

Я был не по своей вине
Живой мишенью
Мертвых пашен:
Четыре года — на войне.
Полвека —
Без вести пропавшим.

Михаил Сопин

* * *

Я рождаюсь вот здесь,
В сорок первом —
Мертвым сверстникам
Глядя в глаза.

Привлекало и то, что в стихах приводились названия знакомых населенных пунктов — Орел, Красная Яруга, Готня, Головчино, — а еще рек: Ворскла, Донец, Дон...

Как будто
Я убит не до конца.
И где-то,
Между вечностью и болью,
Плывут в глаза мне
Воды из Донца,
И сердце давит
Прохоровки поле.

Ничего подобного о войне я раньше не читал. Поэт глазами мальчишки военного поколения как бы вглядывается в будущее — и, наоборот, умом много пережившего человека осмысливает далекое прошедшее. И это не поэтический прием, а необходимость такого восприятия жизни, которым Михаил Сопин и отличается от других. Все, о чем он пишет, не придумано, а было на самом деле.

Вот строки из воспоминаний: «У нас во дворе частями Красной Армии были прорыты профильные окопы, потом брошены. Окопы ошибочно выкопали перед избой, а дом таким образом оказался на линии огня. Начались тяжелейшие бои. Однажды во двор заскочили двое молоденьких солдатиков и прямо перед окнами стали устанавливать пулемет, но никак не могли его заправить. Бабушка выскочила с поленом: «Куда ставите, сейчас начнут бить по хате, а здесь дети малы!» Велела тащить пулемет на угол двора и там сама заправила пулеметную ленту...

Водить через фронт военных — это было естественное внутреннее состояние, как дыхание, потому что это была армия, которая — я. Где шли бои, какого масштаба — знала бабушка, деревенская маршалуга... Она и втянула меня: посылала переводить через линию фронта окруженцев. Мы, ребяташки, хорошо знали окрестности, кустики, овражки, буераки. Выводил два раза».

Много позже я прочитал в одном из интервью Михаила Сопина: «Моя армия — это армия 1941 года — начало 42-го. Я среди отступавших — таков характер». Он поэтически исповедует горькую правду о начале войны, о поражениях, о жестокости оккупации и, хотя потом с нашими войсками дошел до Потсдама, об успешных сражениях и радостях побед почти не пишет. Да, о победах и героизме рассказывать легче и проще, чем о поражениях и отчаянии, но Михаил Сопин берет на себя смелость и ответственность говорить именно о последнем:

Отболели
И зажили раны.
И не пахнет
Нагаром в стволе.
Но дымится
Земля под ногами —
Десять лет,
Двадцать лет,
Сорок лет.

Поэт называл свою память пылающей — а я бы добавил: беспощадной, ибо она, не щадя автора, поднимает из своих глубин такие страшные эпизоды, рисует такие жуткие картины, которые, кажется, не могут стать поэзией.

Полвека снятся сны о битвах
Степных, метельных, дождевых...
Что я живой
Среди убитых
И неживой —
Среди живых. <...>
И я броском —
Назад от даты,
Туда,
Сквозь грязь,
По гужевым,
Где примут исповедь
Солдаты
И нарекут
Меня
Живым.

В его лучших стихах «зазор» между жизнью и словом минимален, и это истинная поэзия, ибо стирается литературность, но остается главное — правда. Она в поэзии — как, впрочем, и в прозе — ценится очень высоко.

Литературная судьба и житейская были для Михаила Сопина далеко не безоблачными. После войны он еще подростком был дважды судим — причем по уголовным статьям. Первый раз за хранение оружия, второй — «за коллективную кражу велосипеда». Отбыл пятнадцать лет в лагерях под Пермью, где и начал всерьез писать стихи, исповедуясь, выписывая свою судьбу. Освободившись, остался в этом уральском городе, стал печататься. Потом по совету критика Вадима Кожина переехал в Вологду. В начале творческого пути его поддержал Виктор Астафьев: при жизни вышло несколько сборников стихотворений, были публикации в журналах, в том числе в «Нашем современнике», его приняли в Союз писателей СССР. Но должной известности творчество Сопина не получило — великая страна уже разваливалась, а поэзия и поэты становились никому не нужны.

После смерти Михаила в 2004 году стараниями его вдовы Татьяны Петровны, друзей и почитателей творчества вышло несколько книг, в том числе и за рубежом. Стихи Михаила Сопина широко представлены на просторах интернета, по-

лучили многочисленные добрые отклики. В издательстве «Красная звезда» увидел свет коллективный сборник «Шрамы на сердце», в него вошли стихи военных поэтов из восьми стран. В подобной антологии Михаил Сопин представлен впервые, что можно считать признанием в родном Отечестве. А в 2019 году в Санкт-Петербурге в издательстве «Русская культура» вышла его книга «Сто стихотворений» — на сегодняшний день, пожалуй, самая профессионально составленная и изданная.

Перечитывая наиболее полное собрание стихотворений и поэм Михаила Сопина «Спелый дождь» (Вологда, 2011) с обстоятельными комментариями жены Татьяны Петровны — по сути, его поэтическую биографию, — понимаешь, что всю свою жизнь поэт рассматривал как бы через призму войны. Вот стихотворение, написанное в начале 90-х годов, посвященное Вадиму Кожину:

Бой глуше. Дальше. Стороной.
Я обречен державной кликой
Беззвучно плакать
Над страной
В период гласности великой.
Чем больше павших и калечных,
Тем громче слава о войне,
И страшно то,
Что страх во мне
Истлел.
Испепелился.
Навечно.
К тому и шли, мечту веков
Осуществив впервые в мире!
Дым разнесло, в державном тире —
Ни белых, ни большевиков.
Кто устремился к грабежу,
Кто — к ностальгии о тиране.
Прижав ладонь к тяжелой ране,
Один на бруствере лежу.
Мне, отшагавшему в строю,
Сценарий ясен:
Враг дал деру.
Приспело время мародеру —
По душу смертную мою.

Резкие, трагичные, печальные, но честные строки — как и в целом творческое наследие Михаила Сопина. Оно еще далеко не все пришло к читателю, не изучено литературоведами, не оценено критиками — хотя, право, этого заслуживает.

Творчество — не спорт, в литературе нет первых, вторых, третьих и прочих мест. Есть только одна мера — мера таланта. Поэт — или не поэт, смог ли он сказать свое, о своем и по-своему — или нет... Читатели сами разберутся и сделают выводы.

* * *

После войны Михаил Николаевич ни разу не приезжал в родные места. Его жена говорила, что очень хотел, но... Видимо, опасался не выдержать жестоких воспоминаний, не желал наяву, а не в стихах возвращаться в 41-й трагический год. А Татьяна Петровна приезжала на Белгородчину — последний раз в год 75-летия сражения на Курской дуге. Вместе с сыном Петром (он музыкант, живет в Санкт-Петербурге) и другом семьи журналистом, фотохудожником Алексеем Колосовым (он хорошо известен в Воронеже, работал в областной молодежной газете и дру-

гих изданиях) они побывали и в селе Ломном, где чудом сохранился дом, в котором во время войны жил маленький Миша.

Книги Михаила Сопина есть в Белгородском литературном музее, библиотеках Белгорода и Грайворона, их читает сегодняшнее поколение белгородцев. К примеру, ученица Белгородского инженерного юношеского лицея — сейчас учитель информатики, магистрант БелГУ — Алина Беляева написала реферат «Родословная слез Михаила Сопина», с которым выступила в Санкт-Петербурге на Лихачевских чтениях. Вот ее слова: «Память оставила в его [поэта] непокорной душе глубокие борозды, а жизнь перепахала, перекрутила и вывернула ее наизнанку. Но изнанка оказалась способной воспринять живое семя, брошенное в черную родную землю, которое проросло крепким стеблем. И не сломали его ни ветры военного лихолетья, ни вихри лагерных этапов, ни обидное непризнание... Путь к алтарю не что иное, как путь к истине».

И этот путь Михаил Сопин прошел с достоинством.

